

РОССИЯ КАК ИЗРАИЛЬ, ЧЕЧЕНЦЫ КАК ПАЛЕСТИНЦЫ

Осталось только соответственно себя вести

Есть что-то жутковатое в том, что именно Россия, преемница СССР, страны, которая поддерживала ООП даже в период самого бесчеловечного палестинского террора, когда террористы-смертники убивали не израильских солдат, а женщин и детей, участников мюнхенской Олимпиады, вообще всех евреев, кого могли, — сама оказалась жертвой точно такого же террора.

Те, кто взрывал дома в Буйнакске, Москве и Волгодонске, и по методам и по психологическому типу — копия подрывников ООП, «Черного сентября» и затем — «Хамаса». Это тоже «отморозки» разных национальностей (среди палестинских террористов были и японцы, и латиноамериканцы), но при доминировании представителей одной национальности, с делом которой они себя отождествили. У них — тоже не совсем ясные отношения с официальными представителями этих национальностей. Ясир Арафат, глава ООП, вроде бы дистанцировался от крайних террористических групп, но никто не мог сказать, в какой мере это дистанцирование было искренним, и насколько они в действительности действовали без его одобрения и согласия. Но то, что он их «понимал» и «сочувствовал» убийцам, вызывавшим во всем мире омерзение и ужас, — факт. Масхадов, по-видимому, значительно меньше связан с террористами, чем Арафат, но ясно, что и для него Шамиль Басаев, может быть, заблуждающийся, но «свой», и положить конец его деятельности ему еще труднее, чем Арафату — положить конец деятельности «Хамаса».

Чеченские и палестинские «отморозки» не только схожи, но в значительной мере и связаны между собой, представляют собой единую сеть, которая питается идеями мусульманского фундаментализма, как во время зарождения ООП питалась «революционными» и «национально-освободительными» идеями. Люди типа Хаттаба — интернациональные «воины Аллаха», которые сейчас в Афганистане, завтра — в Чечне и Дагестане, а послезавтра могут оказаться в Ливане, как в свое время профессиональные революционеры готовы были сражаться всюду, где «пролетариат поднимался на борьбу за свое освобождение». Но «фундаменталистский интернационал» сам по себе ничего не может, как не мог и коммунистический. Для того чтобы семена террора «принялись» и дали ростки, нужна благодатная почва. И здесь мы приходим к самому важному сходству палестинское хам асов с кого» и чеченско-«ваххабитского» террора. Сходство форм — это сходство симптомов одной и той же страшной болезни. Всякие хаттабы и бен ладены — это микробы, которые «носятся в воздухе» и всегда готовы овладеть ослабевшим организмом, склонным к этой болезни. Но главное — сама эта склонность, то, что и Чечня, и Палестина стали идеальной средой для микробов терроризма.

Что же общего у очень разных народов — палестинцев в 60—80-е гг. и чеченцев в 90-е? Я думаю, это ощущение колоссальной несправедливости, которую они перенесли и до которой никому нет дела, чувство полной безнадежности и отсюда — озлобленность на весь мир, готовность бросить ему вызов, поправ все божеские и человеческие законы. Когда такое мироощущение возникает у большинства народа, неизбежно появляются полпроцента, готовые перейти от слов к делу, от проклятий к убийствам. И неизбежно к ним прилетают

всякие хаттабы, бен ладены и псев-долайпановы, привлекаемые таким мироощущением, как насекомые запахами.

«Приличный» и «респектабельный», богатый и сильный мир, очень искренне переживавший гитлеровский геноцид и исполненный чувства вины перед евреями, был очень рад частично искупить свою вину за счет абсолютно не виновных в гитлеровском геноциде палестинцев, передав евреям половину Палестины. При этом у палестинцев никто ничего не спрашивал, их мнением никто не интересовался. И они никому ничего объяснить не могли — их никто не слушал, у них не было, как у евреев, великих писателей, музыкантов и ученых, не было достаточно культурных людей, которые могли бы как-то противостоять сионистской пропаганде. Они пытались сопротивляться, но чем больше сопротивлялись, тем больше теряли. А чем больше они теряли, тем более отчаянные и зверские формы принимало их сопротивление. Но в результате этого они еще больше становились изгоями и париями. И палестинцы, и израильтяне попали в порочный круг. Каждая израильская победа приносила новый всплеск палестинского терроризма, который самим палестинцам ничего не давал, лишь усиливая их отверженность.

Совершенно то же ощущение покинутости всем миром, безнадежности и отчаяния — у чеченцев. Так же, как палестинец не мог понять, за какую провинность у него забирают землю, почему никто в цивилизованном мире не сочувствует ему, так и чеченец не может понять, почему его народ, бесконечно воевавший с Россией за свою независимость и испытавший ужас сталинской депортации, не имеет права на независимость. На такую же независимость, которую белорусы, например, получили не только без борьбы, но и в значительной мере — против своего желания. Он не может понять, почему «просвещенный Запад», так болезненно и бурно реагирующий на сербские преступления в Боснии и Косове, с олимпийским спокойствием смотрел на российские зверства в Чечне. Он не может понять, почему после окончания войны и достижения фактической независимости на нищую и разбомбленную Чечню стало всем окончательно и откровенно наплевать. Почему, если в Чечне происходят убийства и похищения людей, все кричат, что чеченская власть не контролирует свою территорию и с чеченцами дела иметь нельзя, но при убийствах в относительно сытой и совсем не разбомбленной России никто не говорит, что Ельцин не контролирует Россию. Чеченцы — не самый просвещенный народ на свете, и говорить с ними о тонкостях международного права почти так же бессмысленно, как с палестинцами — об истории евреев и сионизма. Они просто знают: мир живет двойной моралью, чеченцы — изгои, и за их жизнь и права никто в мире, кроме Бен Ладена, не даст ломаного гроша. А когда так начинает думать весь народ, всегда появляются полпроцента, готовых к зверскому террору.

Сказанное выше ни в коей мере не оправдание палестинских и чеченских террористов, как описание условий, приведших к болезни, — не «оправдание» болезни. Но это означает, что и палестинский, и чеченский, и любой иной терроризм, имеющий глубокие корни в психологии народов, «загнанных в угол», ощущающих себя «одинокими волками», нельзя излечить, не изменив порождающих его условий. Можно и нужно преследовать и уничтожать террористов, но если условия не изменятся, на место погибших будут вставать новые.

У израильтян было, пожалуй, больше оснований не идти ни на какие компромиссы с палестинцами, чем у нас — с чеченцами. Чеченцы хотят всего лишь независимости и признания этой независимости. Палестинцы же хотели ни больше ни меньше, чем уничтожения государства Израиль и изгнания или

уничтожения всех израильтян. И земля, с которой они хотели их изгнать, — это священная для иудеев земля, о которой они мечтали почти две тысячи лет, а не окраинная провинция, некогда завоеванная Россией и населенная чужим и малоприятным для русских народом. Но в конце концов Израиль понял, что до бесконечности игнорировать и подавлять палестинцев нельзя, что палестинцы — тоже люди, и как ни труден компромисс с ними, он возможен. Для Ицхака Рабина пожать руку Арафата, обгавленную кровью мирных еврейских граждан, было психологически бесконечно трудно, это даже стоило ему жизни (не от руки палестинца, а от руки еврея). Да и для Арафата это было опасно и, может быть, тоже противно. Но и евреи, и палестинцы в массе своей поняли, что никакого другого пути к миру нет.

То же самое и у нас с Чечней. Террористы, устроившие взрывы в Москве, Буйнакске и Волгодонске, естественно, заслуживают кары. Но в озверении чеченского меньшинства, в появлении обезумевшего «полупроцента» и, соответственно, во взрывах, унесших жизни наших сограждан, виновата и наша власть, бессмысленно и бессовестно загонявшая и загоняющая Чечню в угол. Может быть, бесконечное сидение Масхадова у телефона — в ожидании звонка из Москвы, нежелание Ельцина принять чеченского президента и убедили группу людей, стоящих на грани преступления, что ничего хорошего они все равно не дождутся и надо убивать.

Если мы хотим исцеления (и нас, и чеченцев), то нам надо понять то же, что поняли израильтяне, — войной, поиском марионеток, никого не представляющих, контртеррором ничего не сделаешь. Что загонять и дальше чеченцев в угол не только недопустимо с моральной точки зрения, но и опасно, что говорить с Масхадовым необходимо, что нормальное жизнеспособное чеченское государство одинаково нужно и чеченцам, и нам, и что в конечном счете признание чеченской независимости неизбежно. Но для осознания и признания этого от руководителей России нужно значительно больше мужества, чем для начала новой чеченской войны. На войну эти руководители все равно не пойдут и детей не пустят, так что сами они ничем особенным при этом не рискуют (если будет поражение, всегда найдется, на кого его списать). А вот сказав и сделав нечто, противоречащее всему общественному или «элитарному» мнению, они могут погубить карьеру. Люди типа Рабина или Барака, сами не раз смотревшие в лицо смерти, доказавшие на деле, что они готовы отдать жизнь за родину, оказались способны на это. Но ни наш президент, ни наш премьер, хотя он и «силовик», насколько нам известно, жизнью за свое отечество никогда не рисковали. И очень непохоже, чтобы они отважились на реальные поиски мира.